

УДК 82-31

АНТИУТОПИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В РОМАНАХ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ» И К. ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»

© М.Д. Худайбергенова

Аннотация. Выявлены и описаны черты антиутопии в структуре романов Т. Толстой «Кысь» и К. Исигуро «Не отпускай меня». Рассмотрены такие жанрообразующие признаки антиутопии, как: изображение потенциально возможного будущего и конфликта между человеком и его подавляющей властью, нивелирование личности/индивидуальности, воспроизведение нравственно мутировавших взаимоотношений (родственных, дружеских, профессиональных), реформа языка и реформа сознания, имплицитное предупреждение о девальвации гуманистических ориентиров, духовных приоритетов. Установлена взаимосвязь между антиутопическими чертами и мотивом воспоминаний/утраты/забвения в исследуемых романах.

Ключевые слова: русская литература; английская литература; Т. Толстая; К. Исигуро; «Кысь»; «Не отпускай меня»; антиутопия; компаративистика

Жанр антиутопии не утрачивает своей актуальности и оказывается адекватным представлениям о мире и человеке, присущим современным художникам слова. Востребованность антиутопии мотивирована функциональными особенностями жанра, позволяющими в аллегорическую, фантастическую форму облекать размышления о проблемах человечества: дегуманизации и ложной идеализации будущего техногенного мира, девальвации духовных приоритетов, нивелировании личности, бытовании культурной и исторической памяти. Думается, обращение современных писателей к жанру антиутопии во многом определяется тем, что «цель настоящей антиутопии – предупредить общество» [1], «посредством слов, которые всегда находятся в начале как благих, так и неправедных дел, предотвратить наступление ужасной реальности, заговорить будущее» [2], уберечь человечество от трагических последствий техногенного мира.

Романы Т. Толстой (р. 1951) «Кысь» (1986–2000) и К. Исигуро (р. 1954) «Не отпускай меня» (2005), являющиеся материалом изучения в данной статье, демонстрируют принадлежность к жанру антиутопии.

Заметим, однако, что в отечественном литературоведении существуют различные жанровые определения романа Т. Толстой: антиутопия, роман-сказка (Н. Иванова), ироническая антиутопия (Н. Литвинова), постантиутопия (Е.В. Комовская), постутопия (А.В. Грешилова). Н. Иванова отмечает: «Толстая не антиутопию очередную пишет, а пародию на

нее. <...> Она соединила антиутопию «интеллектуальную» <...> с русским фольклором, со сказкой; соединила «научную фантастику» <...> со жгучим газетным фельетоном: то есть массолит с элитарной, изысканной прозой» [3].

О романе К. Исигуро, в целом осознающемся как антиутопический, тем не менее констатируется: роман «сочетает в себе признаки романа-антиутопии и серьезного реалистического повествования с элементами притчи» [4, с. 327-328].

Общеизвестно, что жанр утопии сложился в эпоху Ренессанса («Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона) и постепенно трансформировался в антиутопию, в результате чего антиутопия воспринималась как «пародия на жанр утопии либо на утопическую идею» [5, с. 38]. «Структурным стержнем» антиутопии признавался «псевдокарнавал» [5, с. 38], основой которого становится не «амбивалентный смех» (как это было в карнавальной традиции Средневековья), а «абсолютный страх» [5, с. 38-39].

По мнению С. Белякова, антиутопия – это «не что иное, как описание социального ада, в который, при определенных условиях, могут превратиться государство и общество» [1]. Подобное отождествление антиутопического мира с преисподней нередко встречается у современных литературоведов. Например, литературный критик М. Ремизова, автор статьи «Мнимые величины», подчеркивает: «...антиутопия <...> как данность констатирует прогрессирующую деградацию, положить предел которой можно лишь целенаправленным волевым усилием: если ничего не менять, будет ад» [6].

Соотнесение антиутопического мира и ада определяет концепцию человека в антиутопии, поддерживает главный конфликт, в ней раскрывающийся: конфликт между человеком и подавляющей его властью.

В романе К. Исигуро подробно изображены особенности пребывания клонов-доноров в закрытом привилегированном интернате Хейлшем; формирование их мировоззрения происходит «под влиянием трех факторов: поощрения, порицания и чувства страха» [7, с. 94].

Роман Т. Толстой «Кысь» воспроизводит примитивную, однообразную жизнь в лежащем на семи холмах городе Фёдор-Кузьмичске. Население этого города разделено на три социальных категории: *прежние*, *голубчики* и *перерожденцы*. *Прежние* вступают в конфликт с обществом, мировоззрение которого в значительной степени отличается от их собственного; *перерожденцы* демонстрируют идею утраты личности. Преобладающим социальным классом в Фёдор-Кузьмичске являются *голубчики*, олицетворяющие чувство абсолютного страха. Они живут в привычном для них мире, однако способны думать, рефлексировать, пе-

реживать: «Вроде бы все как всегда: беседуют, мысли сообщают, сомнения в природе выражают. А Бенедикту вдруг так-то тошнехонько станет! Будто вот тут вот, в середке, изжога припечет, а вокруг того печева, кольцом, – холод какой. И в спине тоже вроде неудовольствие. И за ушами тягучка. И слюна горчит.

Другой раз кому пожалуешься, а тебе и скажут:

– Это тебе кысь в спину смотрит.

Нет. Вряд ли. Непохоже. Это внутрях чего-то уклоняется, а может, как Никита Иваныч говорит, это ФЕЛОСОФИЯ» [8, с. 52].

Сюжетообразующей чертой классической антиутопии является воплощение потенциально возможного будущего (вспомним, например, антиутопии Е.И. Замятина «Мы» (1920), О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932), Дж. Оруэлла «1984» (1948), Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (1953)). Очевидно, что утрированно-гротескно изображенное будущее соотносено с современной писателям действительностью, отражает в уродливой форме социальные (и не только) дефекты эпохи.

В романе К. Исигуро «Не отпускай меня» использован прием ретроспекции: действие перенесено в прошлое, о котором вспоминает Кэти, главная героиня. Мотивы воспоминаний, утраты, забвения образуют в романе мотивный комплекс, который, отметим, возникает и в других произведениях писателя. Ощущение зыбкости, хрупкости и «иллюзорного чувства связи с миром»¹ становится ведущим в творчестве К. Исигуро.

Показательно, что обращение к прошлому кодирует представление о будущем: «...обращение к таким аспектам биоэтики, как клонирование, эксперименты со стволовыми клетками <...> позволяет автору заострить внимание читателя на нравственно-этических проблемах, являющихся следствием вышеупомянутых научных достижений» [9, с. 217].

Роман «Кысь» тоже ретроспективен, здесь «идут рефреном отсылки к прошлому» [10], которое идеализируется главными героями. Например, Лев Львович и Никита Иванович не только вспоминают о давно минувшей жизни, но и пытаются реализовать идею изменения современного им мира. «Главное же – сберечь духовное наследие!» – восклицает Никита Иванович.

Еще одной важной чертой антиутопии является обезличивание человека, нивелирование его индивидуальных особенностей, характера, привычек. Эта черта в романе К. Исигуро репрезентирована следующим образом: перед читателем, казалось бы, абсолютно идентичные клоны, органы которых будут в дальнейшем трансплантированы. Доноры вос-

¹ Nobelprize.org. The Official Web Site of the Nobel Prize. URL: https://www.nobel-prize.org/nobel_prizes/literature/ (accessed: 20.01.2019).

питываются в одном интернате, занимаются спортом, посещают учебные занятия, участвуют в регулярных медицинских осмотрах, для них проводят назидательные лекции о вреде курения и способах передачи ушной инфекции. Однако воспитанники Хэйлшема не только механически следуют всем наставлениям своих «учителей», но и имеют возможность проявлять свои творческие способности или в рамках уроков изобразительного искусства, поэзии и музыки, или в подготовке к Распродажам и Ярмаркам, в своеобразных «жетонных дебатах» и «коллекционировании».

Нивелирование личности показано и Т. Толстой, причем его степень возрастает по принципу: прежние – голубчики – перерожденцы. Последние при этом, по мнению Е.В. Комовской, – «вневременной тип, так как, не изменяясь, переходит из эпохи в эпоху» [10]. Перерожденцы воспринимаются голубчиками и прежними как *не-люди*, как существа менее развитые в социальном отношении. Перерожденцы занимают промежуточную нишу среди людей и животных: «...а в сани перерожденец запряжен, бежит, валенками топчет, сам бледный, взмыленный, язык наружу. Домчит до рабочей избы и встанет как вкопанный, на все четыре ноги, только мохнатые бока ходуном ходят» [8, с. 6], «страшные они, и не поймешь, то ли они люди, то ли нет: лицо вроде как у человека, туловище шерстью покрыто, и на четвереньках бегают» [8, с. 6], «мясо у нее мусорное, жилистое, это уж только перерожденцев кормить, а люди не едят» [8, с. 224].

Внешний конфликт с обществом в романе «Не отпускай меня» слабо выражен. Ни Кэти Ш., ни Томми, ни Рут – никто из клонов не пытается выразить свое несогласие, протест против установившейся, слаженной «легальной» системы поставки на экономический рынок внутренних органов. Вместе с тем в романе ставится, с нашей точки зрения, вопрос о том, показаны ли эти герои как слабохарактерные, апатичные, отстраненные от действительности клоны или как обреченные на гибель, смирившиеся, стойко переносящие это испытание, сильные духом личности.

В романе «Кысь» Никита Иванович, Лев Львович, представители *прежних* – людей, родившихся и живших до «Большого взрыва» и продолжающих жить после него. Прежние бережно относятся к прошлому, хранят культурную и историческую память. Думается, неслучайно Т. Толстая изображает этих героев в главе с символическим названием «Мыслете», поскольку именно прежние составляют духовную часть общества Фёдора-Кузьмичска. Прежние не разводят мышей и не питаются ими, хранят книги, в их речи возникают не понятные голубчикам слова: «ФЕЛОСОФИЯ», «ШАДЕВРЫ», «МОЗЕЙ», «ЭНТЕЛЕГЕНЦЫЯ», «ТРОДИЦЫЯ» и др.

Отсутствие каких-либо культурно-исторических связей между воспоминаниями голубчиков и прежних приводит жителей Фёдор-Кузьмичска к проблеме непонимания, отчужденности, замкнутости и, как следствие, к потере целостности и единения всего общества: «Прежние наших слов не понимают, а мы ихних» [8, с. 27].

Одной их принципиально важных черт антиутопии, явственно выраженных в исследуемых романах, являются изменение сознания голубчиков и клонов, нравственная мутация их представлений о построении семьи, о дружеских, любовных, родственных взаимоотношениях. Будучи воспитанниками закрытого интерната, доноры в романе К. Исигуро не осознают, какой должна быть здоровая (в физическом и духовном отношениях) семья. Данный этап социализации многие клоны преодолевают с помощью примитивной схемы взаимоотношений, демонстрирующейся, как это и характерно для антиутопии, с телевизионных экранов: «Так вот, этот «Боже всемогущий» был взят из американского сериала – одного из тех, где невидимая публика хохочет по поводу всего, что персонажи говорят и делают. Там была одна толстая женщина <...>, которая вела себя в точности как Сюзи <...>. Приметив это, я стала обращать внимание и на остальное, что пары старожиллов позаимствовали из телевидения: какие у них жесты, как они сидят вместе на диване, даже как споят и в сердцах кидаются прочь из комнаты» [11, с. 161].

С героями романа «Кысь» читатель знакомится после «Большого взрыва» (читай – ядерного), существенно изменившего поведение и мышление людей, разделившего жителей города на голубчиков, прежних и перерожденцев. Для голубчиков характерен примитивный и скудный образ жизни («...заложил дверь избы деревянным брусом и еще палкой подоткнул. Красть в избе нечего, но уж так он привык» [8, с. 5]). Голубчики питаются огнецами, сушеными червячками, мясом черного зайца, если, предварительно его «как следует вымочить, да проварить в семи водах, да на недельку-другую на солнышко выставить, да упарить в печи» [8, с. 5], мышами, которых ловят на удочку сквозь щели в полу: «Мышь шуршит – жизнь идет, а и в стихах так указано: жизни мышья беготня, что тревожишь ты меня?» [8, с. 169] – думает главный герой романа Бенедикт.

Об измененном сознании голубчиков говорит их отношение к государственной системе. Книги, переписываемые Бенедиктом, – не результат умственного и творческого труда Набольшего Мурзы, как это представляется голубчикам, а художественные произведения великих поэтов: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, О. Мандельштама. Косность и невежество, скудоумие являются характерными чертами голубчиков, для которых «пушкин» – кто-то из «местных».

Таким образом, романы Т. Толстой «Кысь» и К. Исигуро «Не отпускай меня» демонстрируют следующие сюжетообразующие и структурообразующие черты антиутопии: изображение конфликта главных героев и власти (голубчики и Набольший Мурза, клоны и интернат Хэйлшем); трансформация представлений о семье, дружбе, любви, духовности и искажение сознания, позволяющие власти манипулировать человеком; моделирование потенциально возможного будущего и предупреждение о нравственной катастрофе (проблема утраты нравственных ориентиров и духовных ценностей, проблема клонирования и генной инженерии); нивелирование личности человека, девальвация его интересов, личностных притязаний, интеллектуальных способностей, эмоций и чувств.

Список литературы

1. *Беляков С.* Ад для западника. URL: <http://www.zh-zal.ru/continent/2009/140/be19.html> (дата обращения: 22.01.2019).
2. *Эрлих С.* Владимир Лорченков. Табор уходит. URL: <http://www.zh-zal.ru/znamia/2011/10/er24.html> (дата обращения: 22.01.2019).
3. *Иванова Н.* Татьяна Толстая. Кысь. И птицу паулин изрубить на каклеты. URL: http://www.zh-zal.ru/znamia/2001/3/rec_tolst.html (дата обращения: 22.01.2019).
4. *Нестеренко Ю.С.* Элементы японской культуры в романе Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 226-334.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001.
6. *Ремизова М.* Мнимые величины. URL: http://www.zh-zal.ru/novyj_mi/2006/9/re16.html (дата обращения: 21.01.2019).
7. *Худайбергенава М.Д.* Об интернате Хэйлшем, его воспитанниках и способах формирования мировоззрения (роман К. Исигуро «Не отпускай меня») // Державинский форум. 2017. № 3. С. 91-96.
8. *Толстая Т.Н.* Кысь. М., 2001.
9. *Селиванова Е.Ю.* Художественное осмысление современных научных открытий в антиутопии начала XXI века (на примере романа К. Денниг «Поцелуй клона») // Филология и культура. 2012. № 4. С. 217-220.
10. *Комовская Е.В.* От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. 2014. № 7. С. 56-60.
11. *Исигуро К.* Не отпускай меня. М., 2009.

Поступила в редакцию 28.02.2019 г.

Отрецензирована 15.03.2019 г.

Принята в печать 25.04.2019 г.

Информация об авторе:

Худайбергенова Мария Даниловна – студентка факультета филологии и журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: mariadanilovna@yandex.ru

DYSTOPIAN FEATURES IN NOVELS BY T. TOLSTAYA “THE SLYNX” AND K. ISHIGURO “NEVER LET ME GO”

Khudaybergenova M.D., Student of Philology and Journalism Faculty. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: mariadanilovna@yandex.ru

Abstract. We reveal and describe the features of dystopia in the novels structure of T. Tolstaya “The Slynx” and K. Ishiguro “Never Let Me Go”. We consider such genre-forming signs of dystopia as: the image of a potential future and conflict between a person and his overwhelming power, leveling of personality/individuality, reproduction of morally mutated relationships (kinship, friendship, professional), language reform and consciousness reform, implicit warning about the devaluation of humanistic orientations, spiritual priorities. We establish the relationship between the dystopian features and the motive of memories/loss/oblivion in the studied novels.

Keywords: Russian literature; English literature; T. Tolstaya; K. Ishiguro; “The Slynx”; “Never Let Me Go”; dystopia; comparativistics

Received 28 February 2019

Reviewed 15 March 2019

Accepted for press 25 April 2019